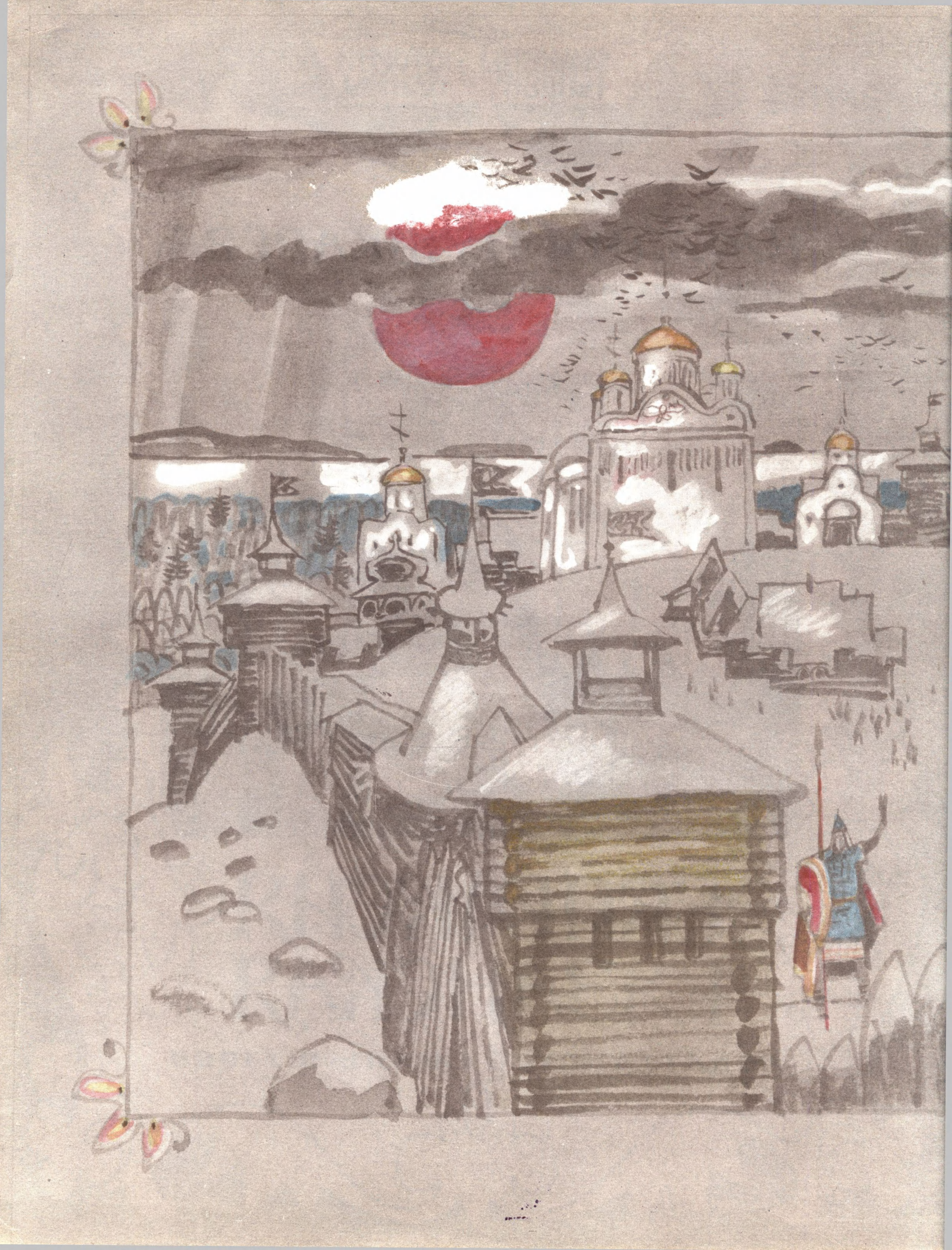

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НАШЕЙ РОДИНЫ

НАТАЛИЯ ПУШКАРЁВА

ЕВПРАКСИЯ РЯЗАНСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1989

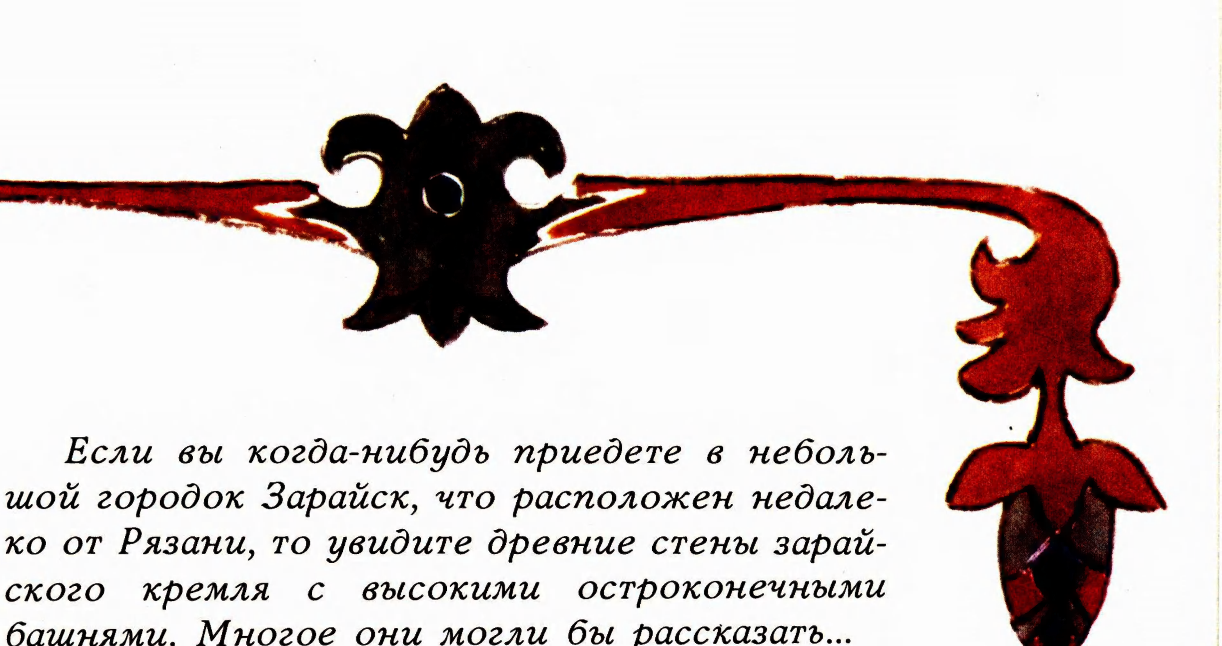

НАТАЛИЯ ПУШКАРЁВА

ЕВПРАКСИЯ РЯЗАНСКАЯ

Рисунки М. Петрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1989

Если вы когда-нибудь приедете в небольшой городок Зарайск, что расположен недалеко от Рязани, то увидите древние стены зарайского кремля с высокими остроконечными башнями. Многое они могли бы рассказать...

В начале XIII века из далёких степей Юго-Восточной и Центральной Азии пришли к ним полчища завоевателей-кочевников. Русская земля в то время была разделена на множество удельных княжеств, которые враждовали между собой. И когда в 1237 году огромное войско монголо-татар во главе с ханом Батыем осадило Рязань, соседние князья не привели свои дружины ей на помощь. От богатого, цветущего русского города остались, по словам летописца, лишь «дым, да земля, да пепел...»

Рассказы русских летописей, исторические песни, сказания донесли до нас суровую правду тех трагических лет, имена героических защитников родной земли. Одно из таких преданий — о самоотверженной рязанской княгине Евпраксии — послужило основой для этой книги.

ЕВПРАКСИЯ-ДОБРОДЕЯ

Удельный князь Всеслав Всеволодович с дружиной возвращается из стольного града Владимира. Изо всех сил нахлёстывают коней дружинники, поспешают домой. Брызгами летят из-под копыт смёрзшиеся комки дорожной грязи. Перволедьем шагает по Руси первый зимний месяц студень.

У знакомого брода всадники придерживают коней. Теперь только тёмная гладь незамёрзшей реки отделяет князя с дружинниками от родного гнезда. Вот она, милая сердцу отчина — городок Умань. За его бревенчатыми стенами тесно лепятся друг к другу избы, амбары, церквушки. Над потемневшими от осенних дождей крышами стелется сизый печной дым. Высокая крыша с крутыми скатами — княжий терем. Как-то там, дома?..

Усталые кони неохотно идут в холодную воду, тревожно пря-

дают ушами, фыркают. Обогнав тянущийся полем обоз, дружина с ходу влетает в распахнутые городские ворота.

На стук копыт из терема высыпала многочисленная челядь.

— Слава тебе, отец наш, князь Всеслав Всеволодович! — Высокий старик в кафтане из домотканого сукна с поклоном взял из рук князя наборную уздечку. — И с радостью тебя великой! Дочь родилась у тебя, княже, да такая красавица — вся в мать!..

Княгиня ждала мужа в гриднице — большой светлой комнате для приёма гостей. Из-под жемчужного кружева высокой шапки-кики ласково блеснули тёмные, как вишни, глаза Феодулии. Князь бережно принял из рук жены небольшой свёрток. Чертами смугловатого личика девочка походит на мать. Такие же округлые, нежные щёки, тот же по-восточному продолговатый разрез глаз. Феодулия была иноземкой, дочерью византийского царя, или, как тогда говорили, кесаря.

Всеслав отвёл взгляд от радостно блестевших глаз жены, опустил голову.

— Великий князь владимирский велит собирать дружину, зовёт на войну с новгородцами.

— Опять в поход, княже? — вздохнула Феодулия. — Что за страшное диво учинили: идёт отец на сына, а брат на брата. Полнится Русь раздорами. И за что воюют да убивают? Не даёт покоя одному богатство другого...

— В суровое время появилась на свет ты, княжна, — произнёс Всеслав, задумчиво глядя на маленькую дочь. — Но родилась для дел славных и добрых. Будь же ты от веку Добродеей!

— Еупраксос, — тихо сказала Феодулия. — Добродеяние по-гречески — Еупраксос.

— Будь по-твоему, лада. Пусть наша дочь носит имя Евпраксия. Евпраксия-Добродея. С таким именем доброй и честной взрастёт!

ВОЛШЕБНОЕ ОКОНЦЕ

Всего одно-единственное окошко в светлице, но зато какое! Всё из красивых, разноцветных стёклышек. Проникая в комнату, утренний свет сияет в нём всеми цветами радуги: красным, синим, зелёным...

Под окном стоит огромный сундук, окованный железом. Маленькая Евпраксия знает: здесь хранятся отцовские книги. Тяжёлые, толстые, с засаленными от долгого чтения страницами.

По дощатым переплётам, стиснутым медными замками,

тут и там разбросаны яркие, радужные стёклышки — такие же, как в окне светлицы. Наверно, потому и кажется Евпраксии книга похожей на оконце. Волшебное оконце в сияющий, полный чудес и загадок огромный мир. О чём только не рассказывается в этих толстых томах! О диковинных растениях и животных, о далёких заморских странах, о том, как жили в старину русские люди...

Раньше своих старших братьев прибегает в светлицу маленькая княжна. Нетерпеливо поглядывая на сундук, ждёт не дождётся заветного часа. Особенно любит она слушать рассказы из летописей о давно прошедших временах.

— «В год 945, — читает вслух Феодулия. — В то лето князь Игорь пошёл к древлянам за данью...»

Смирно сидят княжичи за длинным, добела выскобленным столом. Не поймёшь по лицам — интересно им или нет? Лишь Евпраксия слушает мать затаив дыхание.

— «Но древляне убили Игоря и дружину его, — продолжает Феодулия. — И сказали древляне: «Вот убили мы князя, возьмём жену его Ольгу за князя нашего Мала, сделаем Ольгу женой его».

Евпраксия с волнением смотрит на мать.

— А дальше? Что было дальше, мамо? Неужто пошла она за князя древлянского замуж?

— Нет, доченька. И не только не пошла, но и отомстила им за смерть любимого мужа. Собрала Ольга дружину и повела её на землю древлян. В жестокой сече разбила она врагов, а главный их город сожгла. С тех пор Ольга стала княжить сама...

— Мати, а как бы и мне стать такой же храброй и мудрой, как великая княгиня наша Ольга?

Феодулия улыбнулась:

— Бойка ты, дочь моя, бойка для девицы. Чтобы править, как вещая Ольга, много знать надобно. А чтобы знать — учиться!

По знаку княгини слуга принимается расставлять на столе письменные принадлежности: чернильницы, маленькие ножи для подчистки букв, чашки с мелким песком, которым «промокают» строчки. Начинается урок письма. Дети водят острыми металлическими палочками-стилями по маленьким кусочкам кожи — пишут. Больше других старается младшенькая Евпраксия. Стать такой же, как вещая Ольга, не так-то просто!

ГОРЕЛКИ

За бревенчатыми стенами Умани зеленел широкий луг. Девушки часто приходили сюда гулять, собирать цветы. Из жёлтеньких одуванчиков плели венки, пели песни. Пению девушек вторили из высоких трав изóки — луговые кузнечики... Наступил изок — первый месяц лета.

Вечерами играли в горелки. Девушки побогаче приходили в тяжёлых, нарядных юбках-понёвах из парчи. Девушки из бедных семей и одевались попроще: в длинные серые сарафаны, расшитые красным витым шнуром. У иных на поясках мелодично позванивали бубенчики. Закатное солнце вспыхивало в мелких речных жемчужинах, украшавших наголовные венцы — кокошники. Девичий говор, смех, позвякиванье бус и бубенцов сливались в нестройный, но весёлый шум. Евпраксия с подружками перешёптывались, искоса поглядывая в сторону дороги.

Наконец появились парни. Девушки тотчас же сбились в дружную стайку. Вспыхнул спор: кому водить первому?

— Может, я к тому гож? — выбежал вперёд ладный круглолицый парень.

— А ты кто ж будешь? Не видали мы тебя!

— Княжич я рязанский, Фёдором зовут. С отцом к вам приехал погостить. Но упреждаю, девицы, — гореть буду жарко!

Стали парами. Княжич запел высоким чистым голосом:

— Э-эх, горю-горю ярко!

— О ком горишь? — в тон ему спросил весёлый девичий голосок.

— О тебе, душа!

— Али любишь?

— Люблю!

— Али купишь?

— Куплю!

— Покупай! — пары бросились врассыпную. Княжич приметил смуглолицую темнокосую девушку, побежал было за ней, да не догнал.

Игра продолжалась, девушки вновь сцеплялись руками с молодцами и вновь разбегались. Рязанский княжич всё чаще поглядывал на темнокосую смуглянку, которую так ни разу и не сумел настичь. А как пошли с луга на посиделки, подошёл к ней:

— Как звать-то тебя, лада?

— Евпраксией Всеславной!

— Никак, княжна ты, по отчеству себя именуешь? — удивился Фёдор.

— Княжна! Али не сказывал тебе обо мне отец?

— Сказывать-то сказывал, да не ведал я, что ты, Всеславна, такова... Бежишь лихо, будто летишь! Люба ты мне, такая быстрая да ловкая. Обождёшь три лета — оженюсь на тебе!

Сказал так — и убежал.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Свадьбу шестнадцатилетней Евпраксии с рязанским княжичем сыграли весной 1230 года. Шесть дней веселилась и славила молодых Рязань. А на седьмой день богатые свадебные дары стали укладывать на струги — большие деревянные лодки под парусами. Фёдор с Евпраксией получили от князя Юрия Ингваревича собственную отчину — городок Красный на реке Осетр, что впадает в Оку, к северо-западу от Рязани.

Медленно, встречь течению широко разлившейся Оки плыли струги. Миновали Ольгов, окружённый дубовыми лесами. Издалека стал виден чудный город — Переяславль. Там княжеская чета задержалась на день, а затем поплыла до Перевитска. Отсюда начинались земли, которым Евпраксия теперь была хозяйкой.

Обнесённый валом и тыном из вековых сосен, городок Красный стоял на высоком берегу холодной и быстрой реки. За

Осетром далеко, до самого горизонта, тянулись густые леса.

В сенях нового, свежесрубленного терема молодых встречали бояре и слуги. Один из бояр, назвавшийся Апоницей, вышел вперёд, поклонился в пояс:

— Честь и слава тебе, княже Фёдор. Пестовал я тебя с малолетства, служил верою и правдою. Послужу теперь верно и пресветлой княгине твоей, Евпраксии Всеславне!..

Наутро Евпраксия проснулась от сладкого запаха свежеиспечённого хлеба. Звонко окликнула прислужниц. В опочивальню вбежали девушки, неся на вытянутых руках рубашку из тонкого шёлка, синюю юбку-понёву, пышный короткий сарафан-навершник из яркой парчи. Одев молодую княгиню, девушки заплели тёмные густые волосы Евпраксии в две косы, уложили их венцом вокруг головы, закрыли плотно платком-убрусом.

Евпраксия надвинула низко на лоб шитую жемчугом шапку-кику и поглядела на своё отражение в большой деревянной кадке с водою, стоявшей в светёлке. «Как я похожа сейчас на мать!» — с удивлением подумала она. Из детских лет вернулось к ней воспоминание о матери, будто совсем рядом прозвучал её спокойный, низкий голос: «Будешь и ты когда хозяйкой-отчинницей,— так держись чинно, смотри прямо, глаза долу не опускай. Кончится век твой девичий да побегушки — являй собою пример детям и домочадцам, дворовым, челяди и подружиям их...»

ВСЕМУ ХОЗЯЙКА

За окном ещё не развиднелось, а Евпраксия уже вся в хлопотах. Уверенно, по-хозяйски даёт молодая княгиня распоряжения пряхам и пекарям, скотникам и бортникам-пчеловодам. Ключник Окинф с огромной связкой ключей у пояса еле поспевает за ней... Закончив дела, Евпраксия возвращается в терем. Сегодня князь Фёдор собирается в Рязань, к отцу. Прощаясь, наказывает жене разобрать тяжбу, затеянную соседним монастырём с ваговскими мужиками.

— Остаёшься ты, Евпраксиюшка, в отчине нашей полноправной хозяйкой. По правде-совести суд суди. А в помощь возьми пестуна моего Апоницу. Я ненадолго, скоро вернусь.

Проводив мужа, Евпраксия велит седлать лошадей и вместе с боярами и дружинниками отправляется в деревню, что за Ваговым лесом.

В осеннем лесу сумрачно. Огромные дубы и вязы сбрасывают

последнюю порыжевшую листву. Евпраксии вспомнилось, как советовался с ней Фёдор при покупке этого леса. Уж не раз была она подручной мужу в его денежных расчётах: вся цифирь, наука сложная, коей мать её Феодулия обучала, пригодилась. В грамоте — купчей на эту землю Фёдор приписал, что купила тот лес княгиня Евпраксия «на свои куны-деньги, без мужа и братьев своих...» Написал так, восковою печатью скрепил и пожаловал:

— Твоя теперь эта земля, Евпраксиюшка. Хочешь — продай и купи себе монисто золотое. А хочешь — вели в том лесу девкам своим грибы-ягоды собирать!

Завидев издали княгиню со свитой, крестьяне выбегают навстречу, кланяются низко, до земли. Седобородый мужик в грязно-сером кафтане выходит вперёд из толпы:

— Слава тебе, княгиня наша Евпраксия Всеславна! Неспроста мы мужу твоему, Фёдору Юрьевичу, грамотку посылали. Просим решить дело наше. Жаловала ты нам здесь, княгиня, луга для покосов. Только те луга у нас людишки монастырские отнимают. Совсем житья от них не стало! А как пошли мужики наши с дубинами против монастырских, дак сунули нам бумаги — дескать, от самого князя. Грамоты мы не ведаем, но чуем, что дело нечисто...

— Апоница! — повернулась княгиня к боярину. — Скачи в

монастырь немедля, вели их людям явиться на суд. Да чтобы минуты не мешкали!

Евпраксию с почтением проводят в избу побогаче — отдохнуть с дороги. Апоница с несколькими дружинниками пускает коней вскачь.

Суд состоялся наутро. Монастырь прислал тягаться с крестьянами Геронтия Ушакова. Не впервой рядиться Геронтию с князьями, чьи земли соседствуют с монастырскими. Потому-то маленький, тщедушный человечек с недобрым взглядом держится с достоинством. Важно выступая вперёд, подаёт княгине какую-то грамоту и, улучив момент, шепчет ей на ухо:

— Отсуди землицы, матушка,— велик долг за нами будет!

Евпраксия, не взглянув на него, встаёт со скамьи.

— Слушайте, люди добрые! Судила суд я съезжий с монастырским человеком Геронтием. Не давайте веры ни словам его, ни грамотке. Рукописание то подложное, а росчерк княжьей Фёдоровой руки лихой человек подделал. Были луга вашими, вам их и оставляю! А кто не будет иметь на то слово веры,— повернулась она к Геронтию,— покорится тот силе нашей дружинной!

БЕДА ИДЁТ!

Незаметно шли годы. В первое же лето, когда Вагов лес оделся свежей листвой, родила Евпраксия сына. Назвали его Иван-Всеволод. Молодая княгиня не могла нарадоваться первенцу, всё забавлялась с ним, пела сыночку песни, что с детства помнила: про серенького волчка да про кота-воркота.

Когда княжич подрос, воспитанием его занялся отец. Теперь каждый день под окна княжеского терема приводили взнузданного жеребца. Конь бил копытом в землю, косил любопытным глазом на жавшегося к отцовской ноге княжича. Фёдор сажал сына на коня, сам птицей взлетал в седло.

— Уронишь мальчонку, Фёдор! — пугалась Евпраксия.— Дай его мне. Ну, отдай же Ванятку...

— Не отдам,— смеялся Фёдор, поглаживая светлую кудрявую бороду.— Он — надёжа моя, мой Ванятушка, всему научить его надобно.

Евпраксия не решалась перечить мужу. Оставшись одна, поднималась на крепостную стену. С высокой угловой башни подолгу всматривалась в тёмно-зелёный плат соснового бора, жёлтую скатерть осенних лугов и полей с будто вышитой посередине се-

ребряной стрелкой — дорогой. Часами ждала, когда запылит она под ногами Фёдорова скакуна...

Однажды из-за леса на дорогу вылетел какой-то всадник. Евпраксия видела, как развевался на ветру его плащ, сверкала на солнце кольчужная рубаха. Предчувствие беды охватило княгиню, и она поспешила в терем.

Первым в гридницу вошёл Апоница, за ним — усталый человек в кольчужной рубахе.

— Недобрые вести привёз я, княгиня. Идут на нас враги из степного края, числом — видимо-невидимо. Соседей наших, половецких ханов да приволжских болгар, побили, жён и детей их угнали в полон.

— Какие же это люди? Как зовут их?

— Зовётся этот пришлый народ мунгалы или татарове. Гонец от царя их безбожного Батухана был в Рязани, у князя Юрия. Требовал десятины во всём — с людей, с коней, с разного имущества. А нет — мечом, говорит, возьмём...

Заслышав стук копыт, Евпраксия первой вышла навстречу мужу. Сняв Ванятку с коня, крепко прижала к себе, взглянула на Фёдора:

— Княже! Гонец к нам рязанский прибыл. Великое испытание пришло на Русь: идут на нас вороги неведомые, мунгалами званые. Отец твой, князь Юрий Ингваревич, ждать тебя будет с дружиною у Пронска.

В ПОХОД

Едкий чад от древесного угля плывёт над городком Красным. Из открытых дверей кузниц доносится тяжёлое буханье молотов, дробный перестук молотков. От зари до зари работают теперь ковали-кузнецы, выполняя княжеский заказ. Куют мечи и топоры, тянут кольчужную нить, готовят наконечники для стрел. Тут же мастерят латы, складывают наручи — металлические пластины на сгибы рук.

У княжьего терема — людской водоворот. Крики, топот, ржание коней. Хлебницы-стряпухи носят к обозам огромные, величиной с тележное колесо, хлебы. Дружина готовится к дальнему походу...

На шестой день рать была в сборе. Когда Фёдор вошёл в опочивальню к Евпраксии в полном боевом доспехе, слёзы невольно покатились у неё из глаз.

— Щемит моё сердце, Фёдор, недоброе чует. Отчего нельзя, княже, не тебе вести дружину? Верных людей и ратников у тебя немало...

— Русь крепка единством, Евпраксиюшка. Да не всегда теперь князья блюдут это единство, войны усобные затевают. Вот и отец твой в такой войне голову сложил. Ослабела Русь от усобиц, оттого и идут на неё вороги степные. Но не нам быть на родной земле данниками чужеземцев!

ДИКОЕ ПОЛЕ

К началу зимы Фёдор соединил свою дружину с войском отца, Юрия Ингваревича, у городка Пронска. В пути к ним пристали дружины князей коломенского, муромского, переяславльского — братьев князя Фёдора.

Низкие серые тучи плывут из-за леса, встречь идущему воин-

ству. Где-то там, за рекой Воронеж, начинается необъятная ковыльная степь — Дикое поле. Оттуда, с Дикого поля, надвигаются мунгалы. Неведомый, а потому и грозный враг. Дикое, страшное поле...

Уже не плывут над головами, а, кажется, ползут по-над самой землёй тёмные тучи. Юрий Ингваревич высылает вперёд дозорных. К полудню ратники возвращаются с тревожным криком:

— Татаро́ве!

Юрий Ингваревич знаком подозвал к себе Фёдора, велел ехать следом, а войску с места не двигаться. Князья пускают усталых коней в галоп. Миновав густой сосновый бор и перелесок, отец с сыном выезжают к реке. Пойма её напоминает растревоженный муравейник. Между бесчисленными повозками и кибитками снуют ордынцы. Крики воинов, женские голоса, плач детей сливаются с ржанием коней, блеянием овец, отчего густой неумолчный гул висит над мунгальским станом. От великого множества людей долина реки кажется чёрной.

— Сколько же их? Тьма...— Фёдор повернулся к отцу.

Понурив голову, сидит в седле Юрий Ингваревич. Будь вместе с ним войско князя владимирского, русская рать была бы вдвое сильнее. Не пришёл князь, да и многие другие не пришли: весть ли с гонцами не поспела, страх ли поял их — про то неведомо...

До слуха князя доносятся обрывки гортанной речи. Уж не дозорные ли мунгалов? Юрий Ингваревич осторожно трогает плетью коня. Пора возвращаться обратно.

Вечером князья держат совет.

— Велика сила мунгалов, трудно одним нам ратиться с ними.— Князь Юрий оглядывает сыновей.— Надо слать новых гонцов во Владимир и Новгород, Ростов и Суздаль, на Бело-

озеро и во Псков. Пусть поспешат князья русские на нашу рязанскую украйну. Мы же пока переговоры затеем, богатыми дарами будем улещивать ворогов поганых. В шатры их поедешь ты, Фёдор. Мира проси! Но смотри — береги честь Руси, не роняй славы рода своего княжеского и рабски им не кланяйся!

В ОРДЕ

Рано утром с небольшой дружиной князь Фёдор выехал в орду.

— Мунгалы коварны и злы, — Фёдор взглянул на Апоницу, который ехал с ним рядом. — Удастся ли поладить с ними добром? Кто знает, вернёмся ли обратно? А если суждено будет сложить мне там голову — Евпраксию не оставь, Апоница, защити их с Ваняткой от ворогов.

Старик лишь молча поклонился.

Наконец впереди показалось становище кочевников. При появлении русских воинов тревожно загудели огромные бубны. Угрюмые ордынцы — низкорослые, широкоскулые, с висячими чёрными усами — выходили из шатров и кибиток. Глубже надвигая островерхие, отороченные лисьим мехом шапки, хмуро смотрели на послов.

Посреди стана возвышался

огромный шатёр с золотой маковкой. Толмачи-переводчики, подъехавшие к Фёдору, подсказали, что это и есть ханская ставка. Перед входом в шатёр дружинники спешились. Апоница взял под уздцы Фёдорова скакуна. Передавая поводья слуге, приказал негромко:

— Коней уведи подальше и сам схоронись! Покличу — лети со всех ног к шатру. Держи ухо востро! От этих мунгалов всего ожидать можно.

Седые молчаливые мурзы — татарские князья — знаками показали русским, что хан ждёт их в шатре. Фёдор и его бояре головы несли высоко, руки держали на поясах. Вступая в шатёр, никто из них не снял с головы шлема-шишака.

В глубине шатра, окружённый советниками, восседал хан Батый.

— Здравствуй на много лет, царь Бату, вождь храбрых воинов мунгальских! — произнёс Фёдор, снимая шлем.

Лицо хана осталось неподвижным. Лишь правая рука его медленно поднялась, коснулась груди и вновь легла на колено.

— Мы слышали о тебе, великом хане и воине,— продолжал князь.— Никто из земных царей не сравнится с тобой в богатстве и силе. Зачем тебе наши бедные рязанские земли? Мы, послы князя рязанского, принесли тебе многие дары. Отчего не жить нам как добрым соседям?

Тёмные глаза хана сузились:

— На небе одно солнце, и на земле будет один владыка. Владыка тот я — хан монгольский! А дары твои, коназ, я милостью своей принимаю!..

Принесли тюки с дарами. Батый развеселился, оделяя своих приближённых драгоценностями, мехами, золотым шитьём. Начался пир. Перед послами поставили блюда с бараниной и сладостями, чаши с хмельными напитками. Батый опустил наполненную до краёв чашу, с усмешкой глянул на Фёдора:

— Неправду говоришь ты, коназ Фёдор, что бедны ваши земли рязанские. Никогда нищая земля не даст такого богатого ясака! Но самый лучший дар ты утаил от меня. Слышал я от одного уруса о красоте жены твоей. Что же ты сам молчишь об этом? Почему не привёл её в мой шатёр?

Толмачи перевели князю вопрос хана. Фёдор побледнел, но спросил спокойно:

— Где же тот русский, хан?

Батый повёл головой, и в шатёр ввели тщедушного человечка в монгольской одежде. Когда он выпрямился, Фёдор с изумлением узнал в нём монастырского человека Геронтия Ушакова.

— Что, княже, не чаял меня здесь встретить? А ведь я вольною волей пришёл к великому хану. Он меня в чести держит. Я здесь богато живу, сытно ем. Толма́чу понемногу, потайные тропы в лесах, речные переправы мунгалам указываю. Это я, князь, про твою жёнку хану поведал!

Фёдор поднялся, смерил Геронтия презрительным взглядом:

— Предателей на Руси вешают за ноги и дают воронью клевать их чёрные сердца. Тебе же, хан всесильный, — повернулся он к Батыю, — так скажу: негоже нам, русским людям, доброю волей отдавать жён своих в рабство. Вот когда нас не будет — всё вашим станет!

Яростью вспыхнули глаза Батыя, вскочил он, взмахнул рукой — и вмиг десятки ханских слуг, обнажив кривые сабли, бросились к князю, его боярам и дружинникам...

БЕГЛЕЦЫ

Апоница выбрался из ханского шатра с тыльной стороны, прорубив мечом шатровый войлок. Он незаметно отполз в сторону, в кусты, и затих там, вглядываясь в темноту. У шатра тихо. Хлопочут над кострами женщины, лениво переговариваются ордынцы. Кони русских дру-

жинников по-прежнему привязаны недалеко от шатра, но слуг не видно.

— Хозяин, ты ль? — слышит Апоница шёпот своего слуги.— Тут я, насилу схоронился. Всех остальных мунгалы враз повязали и увели. Добро, что коней свёл я сразу в лес. Добраться бы туда...

Нескоро удаётся русичам выбраться из вражьего стана. К лесу пробираются ползком, припадая к земле при каждом звуке. В кромешной тьме садятся на коней. По щекам и бороде Апоницы текут слёзы.

— Федорушка, чадо моё милое... — шепчет старик. — Был я твоим пестуном с малолетства, а от смерти жестокой не уберёг...

Весть о гибели русского посольства князь Юрий выслушивает, не изменившись в лице, лишь крепче сжимает рукоять меча.

— Скачи, боярин, в Красный, ко княгине Евпраксии. Выполни последнюю волю Фёдора. А мы будем готовить рать к битве великой.

...«И была сеча зла и ужасна,— пишет летописец.— Много сильных полков Батыевых пало». Но монголы одержали верх над небольшим русским войском. В битве той были убиты князья муромский и переяславльский, братья князя Фёдора. Остатки своей дружины удалось увести Юрию Ингваревичу обратно в Рязань. Но ордынцы шли за ним по пятам, словно голодные волки по следу затравленного оленя...

КАК ВЕЩАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА

А в Красном ждёт не дождётся ненаглядного мужа княгиня Евпраксия. Снова и снова поднимается она на высокую башню, с надеждой вглядывается в даль. Но пустынна заснеженная равнина, безмолвны чернеющие леса.

Новый месяц в небе народился, на ущерб пошёл, а от Фёдора всё нет вестей. Только слухи, один страшнее другого, ползут по притихшему городку. Говорят, будто Рязань разорена и не сегодня-завтра татары будут здесь, в Красном. Что стало с Фёдоровой дружиной? Может, лежат они убиты на земле-пусте, на траве-ковыле, снегом и льдом помёрзнувшие? Но не верится сердцу в разлуку вечную. «Вернётся Фёдор,— шепчет Евпраксия,— вместе будем с погаными биться. А не вернётся — подобно вещей

Ольге отомщу им за смерть любимого мужа!»

Одна отрада у молодой княгини — маленький Ванятка. Весело бегает он по гриднице, а то подойдёт, прижмётся к её руке светлыми, отцовскими кудрями. Хоть и мал ещё, но чувствует тревогу материнскую, утешить хочет. Отослав Ванятку к мамкам и нянькам, княгиня кличет старого Окинфа, чтобы узнать, как выполняются её распоряжения.

По приказу Евпраксии крутые скаты земляных валов, отгороженных невысоким тыном, ежечасно поливают студёной водой из Осетра, так что они прямо на глазах покрываются наледью. На улицах устраивают завалы из брёвен и камней. Жители носят из домов топоры, ножи, рогатины, складывают их у стен городка. Сюда же приносят большие котлы и бочки с водой, дрова для костров.

Княгиня отдаёт Окинфу последнее распоряжение: отрядить дозорных на башню. Лучше послать женщин — воины понадобятся на стенах.

НАБАТ

Не прошло и трёх дней, как одна из женщин, что стояли на башне в дозоре, ранним утром заметила всадников, стремительно вылетевших из-за тёмного леса.

— Они! Татарове! Большим валом валят! — закричала она и побежала вниз, к терему.

Тревожный набатный звон взрывается над Красным. В считанные мгновенья наполняются народом улицы городка. Со всех ног бегут к стенам ратники. Женщины с горящими головнями в руках бросаются разводить огонь под котлами с водой, тащат из домов черпаки и вёдра — поливать непрошеных гостей кипятком...

Евпраксия уже наверху, на башне. С высоты всматривается она в ожившую снежную равнину.

Передовой отряд всадников в облаке ледяной пыли осаживает коней у самых стен крепости. Несколько минут ордынцы стоят неподвижно, молча осматривая земляные валы, покрытые ледяным накатом, высокие стены с узкими прорезями — бойницами. Потом, внезапно загомонив, все разведчики, кроме одного, разом поворачивают коней...

Оставшийся подъезжает поближе, волоча за собой на аркане пленника, поворачивает к крепости широкоскулое лицо и кричит что-то громко и неразборчиво.

— Отворяйте ворота, нечестивые! — покорно переводит его слова пленник-толмач. — К вам приехал Бату-хан, покоритель всех народов! Горе тем, кто прогневит его. Сдавайтесь, не то перебьём всех вас до последнего и городишко ваш сотрём с лица земли!

Тишина воцаряется на стенах. Слышен только мерный, настойчивый гул набата. И так же гневно и неукротимо бьются сердца защитников крепости. Лучше гибель в неравном бою, чем смерть и бесчестье!

От брошенного сверху камня встаёт на дыбы конь ордынца. Погрозив хохочущим русичам кулаком, мунгал разворачивает коня и торопится восвояси.

...Плотное кольцо вражеского войска смыкается вокруг Красного.

Ордынцы разбивают лагерь, зажигают костры. Сверху кажется, будто сотни горящих углей рассыпаны кем-то по заснеженной земле русской. Со стороны Осетра доносятся гортанные крики, стук топоров. Всю ночь ордынцы валят вековые сосны, строят из них тяжёлые, длинные лестницы. С их помощью взберутся они завтра на земляные валы, вскарабкаются на крепостные стены...

Не спят и защитники крепости. Далеко, на всю округу, разносится гул набата. Но не слышат его во Владимире, не слышат в других русских землях...

«В ЛЕТО 1237...»

Едва дождавшись первых лучей солнца, ордынцы кидаются на приступ. Густой град стрел обрушивается на крепость. Со стен на головы врагов льётся горячая смола, летят камни. Длинными баграми осаждённые сталкивают вниз неуклюжие, тяжёлые лестницы. Но всё новые и новые волны врагов накатывают на крепость.

К городским воротам подвели они диковинное сооружение из брёвен — стенобитную машину — и, раскачав висячие брёвна, с силой раз за разом бьют по воротам. Крепок дуб, но и ему не устоять...

В окно своего терема Евпраксия видит, как врываются мунгалы на улицы городка, оглашая их диким, радостным воем. Схватив Ванятку на руки, Евпраксия выскакивает на крыльцо и бежит к высокой башне. Всё ближе, ближе разгорячённые кони ордынцев. Неожиданно путь преследователям преграждает какой-то всадник. Смельчак яростно отбивается мечом от наседающих с разных сторон мунгалов.

— Беги, княгиня! — он поворачивает к Евпраксии залитое кровью лицо. — Спасай княжича!

— Апоница, — побелевшими губами шепчет княгиня. — Апоница! — кричит она. — Где князь, Апоница? Жив ли Фёдор?

— Убит наш князь предоб-

рый...— успевает сказать боярин и валится наземь с коня, пронзённый татарской стрелой.

Но Евпраксия уже не видит смерти Апоницы. Подобно раненой, но ещё сильной птице взлетает она на самый верх крепостной стены. Дозорная башня погружена в глубокую тишину. Сюда не долетают ликующие крики злых мунгал. Только ветер с заснеженных равнин слегка посвистывает в ушах да заходится на руках в тихом плаче маленький княжич. Евпраксии видно, как языки пламени лижут бревенчатые стены. От огня по ветру тянутся полосы дыма — серые, будто волчьи спины... Слышно, как взвизгивают деревянные ступени под ногами врагов. Злые, беспощадные волки надвигаются из темноты. Нет, не будет рабом мунгальским сын князя русского! Не будет рабою их и жена его Евпраксия! Она прижимает к себе сына и, широко раскрыв глаза, делает шаг вперёд — в зияющую пустоту, к солнечному свету.

* * *

«В лето (год) 1237,— пишет летописец,— убит был князь Фёдор. И княгиня его Евпраксия, узнав про это, ринулась вниз с высокой башни и заразилась (убилась) до смерти».

* * *

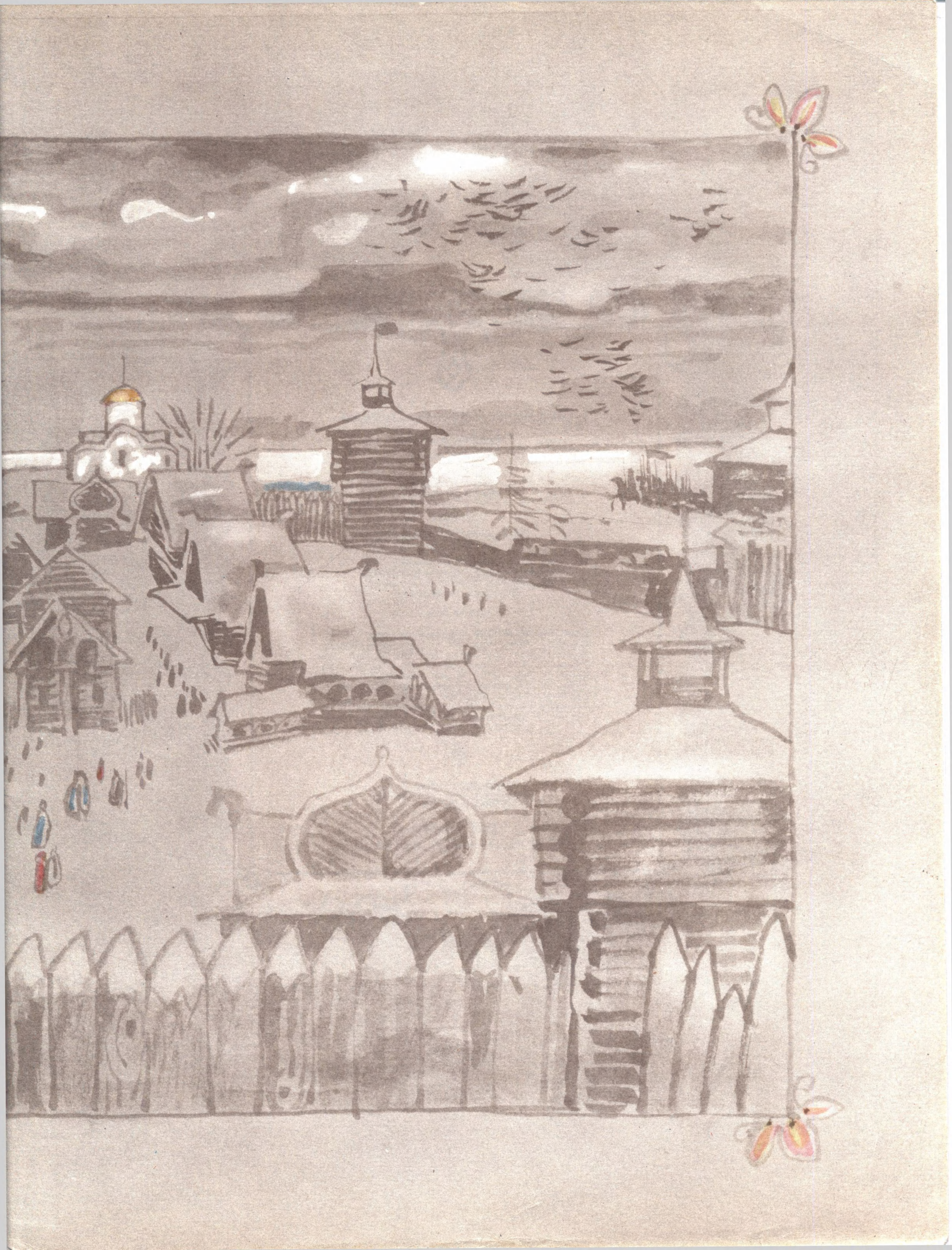
Уже не годы, а целые столетия отделяют нас от тех дней. На земле тихой отчины князя Фёдора стоит теперь другой, новый город. Местные жители назвали его Заразеском (Зарайском) — в память о подвиге прекрасной и мужественной русской женщины, княгини Евпраксии Рязанской.

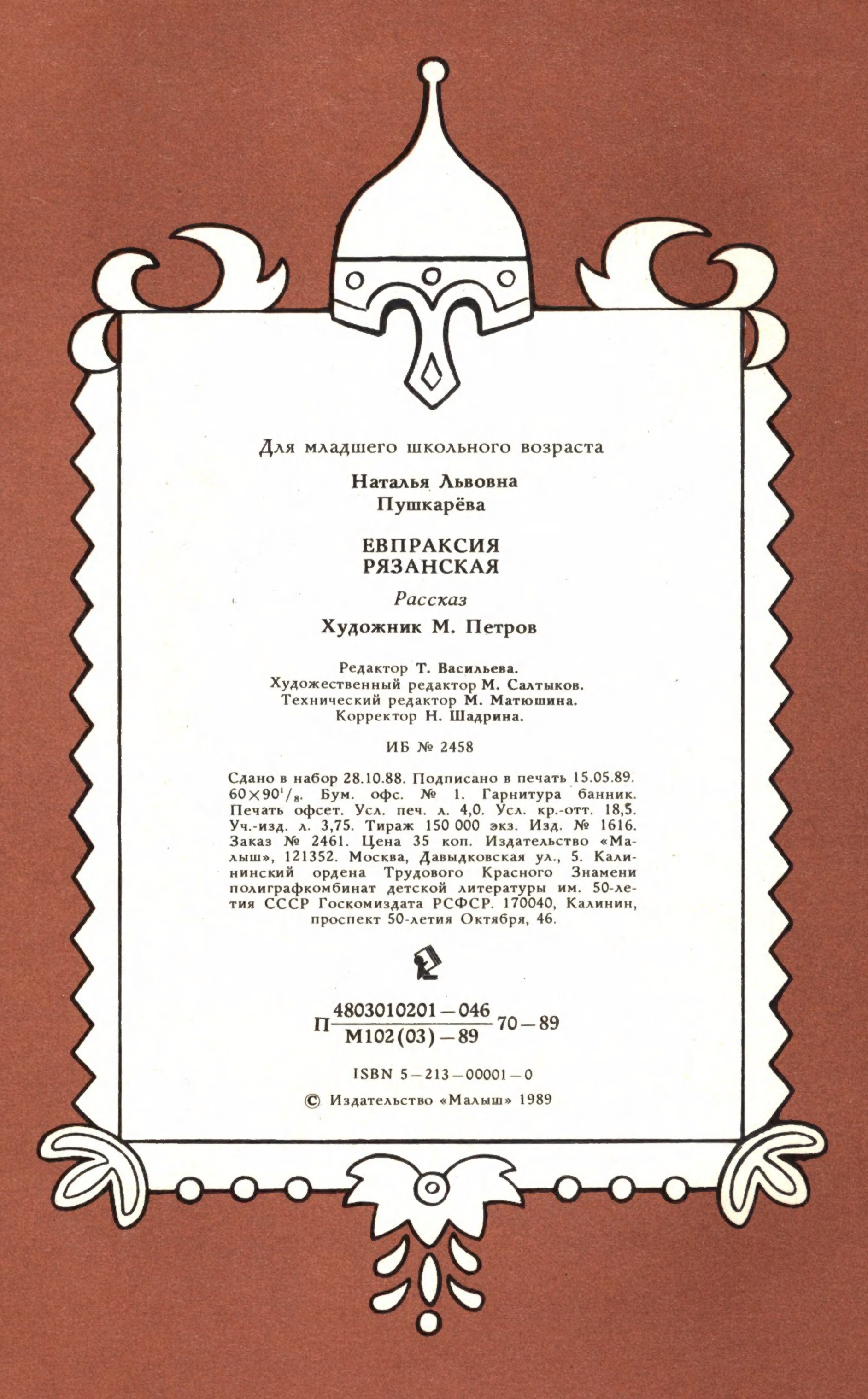

СОДЕРЖАНИЕ

35 к.

Для младшего школьного возраста

Наталья Львовна Пушкарёва

ЕВПРАКСИЯ РЯЗАНСКАЯ

Рассказ

Художник М. Петров

Редактор Т. Васильева.
Художественный редактор М. Салтыков.
Технический редактор М. Матюшина.
Корректор Н. Шадрина.

ИБ № 2458

Сдано в набор 28.10.88. Подписано в печать 15.05.89. 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура банник. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,5. Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1616. Заказ № 2461. Цена 35 коп. Издательство «Малыш», 121352. Москва, Давыдковская ул., 5. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

$П\frac{4803010201-046}{М102(03)-89}70-89$

ISBN 5-213-00001-0